В. Д. Жмилевский

СЛОВАРЬ НОВЫХ ТЕРМИНОВ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕРРИТОРИЙ

Казань
Издательство «Бук»
2018

Жмилевский, Владислав Дмитриевич.
Словарь новых терминов международно-правовой специфики территорий / В. Д. Жмилевский. — Казань : Бук, 2018. — 36 с.

Словарь содержит качественно новые термины, существенно дополняющие политическую науку, разрешая ряд юридических коллизий международно-правовой специфики территорий. Для каждого термина приведены конкретные примеры, подчёркивающие всю важность их актуализации и широкого применения в современном мировом сообществе.

О ДАННОМ СЛОВАРЕ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЕ

Современные международные отношения за последние десятилетия (и даже отдельные годы) претерпели существенные изменения. Особенно заметно это проявляется в контексте изучения политической географии. Наш мир постоянно меняется, и это приводит к тому, что в современных тенденциях мы всё чаще сталкиваемся с проблемой, когда использование определённых терминов (согласно нормам международного права) в определённых ситуациях может частично или полностью не соответствовать сложившейся действительности. Именно в такие моменты, как правило, и наступает необходимость введения новых терминов, адекватно и, что самое главное, обоснованно отражающих общий смысл объектов описания.

Безусловно, при изучении международно-правовой специфики территорий, для получения наиболее полной и точной информации логичнее всего использовать разнообразные универсальные и тематические энциклопедии (такие как «Британника», «Брокгауз», «Глобалистика», «Большая российская энциклопедия» и некоторые другие), а также все данные, представленные в рамках Организации Объединённых Наций. Однако при детальном изучении в любой науке со временем возникает потребность в реформировании и дополнении уже существующей терминологии для последующего разрешения сложившихся в ней противоречий.

И именно это является главной целью данного словаря. Он не стремится охватить всю терминологию, связанную с изучением международных отношений в целом (и специфических территорий в частности). Его главной задачей является введение в область общественных знаний новых понятий, призванных разрешить уже давно назревшие в ней противоречия. Для более же полного погружения в соответствующую систему научных знаний настоятельно рекомендуется обращаться к вышеназванным энциклопедиям, а также к научно-популярному изданию «Специфические территории. Международная классификация».

ОТ АВТОРА

Данный словарь был задуман, как дополнение в рамках разрабатываемого курса — международно-правовая специфика территорий. Он также поможет более подробно разобраться во всех тенденциях и процессах, описанных в основополагающем учебном пособии курса: «Специфические территории. Международная классификация».

Развитие современной системы изучения политической географии и международных отношений — дело, способствовать которому (в той или иной степени) может каждый. Соблюдая терминологическую грамотность, мы сможем лучше понять друг друга, избежав тем самым абсолютно бессмысленных противоречий, возникающих между нами на всех уровнях общественного взаимодействия. Очень хочется верить, что в конечном итоге это поможет всем нам приблизиться к решению ряда проблем, существующих сегодня в международном сообществе.

СЛОВАРНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Представленный словарь является своеобразным руководством к правильному употреблению терминов из области международного права для расширенного изучения тенденций, сформировавшихся в мировом сообществе за последние десятилетия. Согласно общим правилам оформления словарей все его термины расположены в алфавитном порядке, а также для каждого из них приведён перевод на английский язык (являющийся одним из источников для образования в международной общественно-политической и научной терминологии).

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА (*state virtualization*) — процесс, в результате которого государство (или субъектная территория, декларированная органами её управления в качестве государства) теряет определённую часть особо значимых признаков государственности. Данный процесс ни в коем случае не стоит путать с делегитимацией государства (или его руководящих органов), потому как при делегитимации происходит частичная или полная потеря соответствующими государственными институтами законных оснований (с точки зрения международного права или внутреннего законодательства) на дальнейшее существование в сложившемся виде (что порой может никак не помешать последующей деятельности страны и его руководства), тогда как виртуализация непосредственным образом связана с утратой определёнными субъектами международного права фактического контроля над заявленной территорией (частично или полностью), при которой сохраняется хотя бы концепция их дальнейшего существования в определённой форме.

А формы эти могут очень сильно различаться. Так, самым распространённым итогом виртуализации государств является организация их руководящими органами правительств в изгнании — чётко структурированных организаций государственного типа,

декларирующих собственный суверенитет над территориями, контроль над которыми был ими потерян в результате виртуализации. Изгнанием подобные органы своё положение называют не случайно, ведь в подавляющем большинстве случаев правительства в изгнании создаются за пределами регионов, на которые предъявляют претензии данные организации. Как правило, их руководство, а, соответственно, и штаб-квартиры располагаются на территории стран, власть которых положительно относится к их деятельности, тем самым сводя к минимуму риск депортации членов правительств в изгнании руководящими органами этих стран в места, с которых они и отправились в изгнание, для привлечения к ответственности по специально существующим для подобных ситуаций статьям. При указанном развитии событий в результате виртуализации концепция существования суверенного государства обычно остаётся достаточно чётким и структурированным даже после потери подконтрольных территорий (например, в результате их захвата соседней страной). Дело в том, что правительства в изгнании зачастую формируют достаточно развитую систему функционирования. У них есть свои руководящие посты, послы и представители (там, где это возможно), а порой даже и собственные системы выборов. Ярчайшим примером в данном случае можно считать Республику Сербская Краина — непризнанное государство, провозглашённое в декабре 1991 года вдоль восточных границ Хорватии в общем процессе начавшегося распада Югославии. В таком виде республика просуществовала около трёх с половиной лет пока в августе 1995 года (в результате совместной военной операции хорватских и боснийских вооружённых сил под кодовым названием «Буря») вся её территория не была силовым путём интегрирована в состав Республики Хорватия. Все эти действия спровоцировали массовый исход сербского населения в соседние страны, представители которого и создали в 2005 году Правительство Республики Сербская Краина в изгнании, существующее и по сей день, а также добивающееся восстановления ряда прав для своего территориального образования.

Существуют также варианты, при которых итогом виртуализации становится формирование одной лишь концепции суверенно-

го государства без какой-либо единой структуры, призванной её реализовать. Как правило, связана такая нескоординированность с тем, что основные претенденты на ключевые роли в «изгнанное» правительство далеко не всегда могут договориться о разделении полномочий даже внутри своего образования (не говоря уже о каком-либо внешнем взаимодействии). Тут в качестве примера можно привести Чеченскую Республику Ичкерия (признанную в России террористической организацией), образованную в качестве непризнанного государства на территории Чечни в 1991 году. В 2000 году, спустя почти девять лет (в результате Второй чеченской кампании) территория Чечни различными методами была интегрирована в состав России, а часть непримиримых сторонников независимости региона бежали в страны Западной Европы, где неоднократно пытались договориться о формировании единого правительства в изгнании. Однако договориться о разделении ответственности между собой сторонникам Ичкерии так до конца и не удалось, поэтому практически вся их деятельность основывалась на вопросах назначения единого руководителя правительства в изгнании (хотя даже по ним бежавшие сепаратисты в конечном итоге так и не смогли договориться).

Но бывают и случаи, когда в результате виртуализации, силы, ассоциирующие себя с соответствующим государством, сосредотачиваются не столько на дипломатических, сколько на силовых попытках восстановить контроль над заявленными территориями. Подобный вид деятельности можно назвать образованием подпольного (или партизанского) государства, потому как основные центры функционирования его представителей (включая штаб-квартиру) обычно тайно располагаются на территориях, суверенный контроль над которыми был ими потерян в результате виртуализации. Стоит отметить, что представители подобных организаций постоянно рискуют быть арестованными из-за своего территориального расположения (фактически в тылу противника), что, очевидно, придаёт их позициям дополнительной значимости в фактической реализации заявленных целей. Очень показательным примером в описанном случае является Независимое Государство Азавад, провозглашённое в 2012 году на севере Рес-

публики Мали местными племенами туарегов. Вскоре после объявления независимости руководство туарегов было вытеснено из городов исламскими фундаменталистам, также являющимися сторонниками независимости региона. Ими было сформировано новое правительство Азавада, которое функционировало до января 2013 года (пока в результате операции «Сервал», проводимой под руководством французских вооружённых сил, не выбило исламистов практически со всех подконтрольных им территорий). В итоге территориальная целостность Мали была восстановлена, однако это совсем не означало прекращения борьбы сторонников независимости Азавада. И туареги, и исламские фундаменталисты по-прежнему продолжают противостоять центральному правительству (и даже друг другу), рассчитывая когда-нибудь вернуть утраченные позиции.

Кстати, тут важно отметить, что создание правительств в изгнании (или каких-либо других организаций сопротивления) в ответ на непринятие теми или иными сторонами власти в соответствующей стране (как, например, Правительство Свободного Вьетнама) абсолютно некорректно приводить в качестве примера итогов виртуализации государств. Подобное понятие возможно употреблять только в случаях, когда упразднению подвергается не только какое-либо отдельное правительство, а вся государственная система в целом (к примеру, путём её насильственной интеграции её территории в состав другого субъекта международного права). В данном же случае речь может идти лишь о виртуализации деятельности конкретных правительств.

Говоря же о виртуализации в современном мире, можно отметить, что на сегодняшний день подобный процесс сильно влияет на особенности существования не признанного ни одной страной мира Исламского Государства (запрещённого на территории Российской Федерации), которое уже потеряло значительную часть контролируемых ранее территорий. По факту, виртуализация ИГ продолжается до сих пор и завершённым её можно будет назвать только когда непризнанный халифат лишится всех своих подконтрольных территорий, а это означает, что точные сроки данного процесса сейчас определить практически невозможно.

Конечно, в конкретно описанном случае виртуальные государства появляются не только с целью привлечения внимания к персонам их создателей (ведь здесь речь идёт уже об образованиях, когда-то реально существовавших на международной арене), а потому для них всегда относительно велика вероятность рано или поздно вернуть себе территориальную субъектность. Однако ряд экспертов в области международного права всё же приходит к выводу, что существование большинства виртуальных государств скорее связано с «фантомными болями» их сторонников по поводу безвозвратной утраты своих земель, чем с реальными надеждами когда-либо их вернуть в былом статусе.

ВИРТУАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ (*virtual diplomacy*) — деятельность номинальных руководящих органов виртуальных государств, направленная на создание и поддержание разносторонних международных отношений (или же декларируемых в качестве таковых) друг с другом. Фактически виртуальной дипломатией можно назвать любые отношения между различными виртуальными государствами вне зависимости от их характера, общей значимости и конечного итога. В парадигме существования большинства виртуальных государств действует следующее правило: всё, что хоть кем-то декларируется, уже существует. Важен лишь контекст.

Поэтому к разновидностям виртуальной дипломатии можно отнести, к примеру, ***виртуальные соглашения***, заключаемые между властями двух (или более) виртуальных государств. Как правило, суть таких соглашений заключается во взаимном признании суверенитета и территориальных претензий друг друга, иногда даже доход до подписания договоров о дальнейшем сотрудничестве между различными виртуальными государствами. Но на этом обычно их международное сотрудничество заканчивается, потому как в фактическом взаимодействии подобные образования крайне ограничены, а их совместная деятельность в конечном итоге так и остаётся лишь на бумаге или в официальных заявлениях руководителей виртуальных государств. В качестве примера здесь можно привести Виртуальное Государство Драконберг,

основанное в 2014 году на небольшой территории внутри города Баку (столицы Азербайджанской Республики), в первый же год своего формального существования заключившее ряд соглашений о взаимном признании (и дальнейшем сотрудничестве) с Княжеством Айселлант, претендующем на антарктическую Землю Королевы Мод, Королевством Рутения, предъявляющем претензии на Галицко-Волынские земли, принадлежащие сейчас преимущественно Польше и Украине, Республикой Эсландия, настаивающей на своём суверенитете над территорией острова Хасселвуд Рок в Атлантическом океане, ставшего объектом территориального спора сразу между четырьмя международно-признанными странами: Великобританией, Ирландией, Данией и Исландией (однако это соглашение позже было денонсировано), а также некоторыми другими виртуальными государствами.

К ещё одной разновидности виртуальной дипломатии можно отнести создание ***виртуальных организаций***, объединяющих сразу несколько виртуальных государств с целью их дальнейшего развития в рамках единой внешнеполитической системы. Ярчайшим примером такого союза следует называть Антарктический союз микрогосударств, созданный руководителями наиболее известных виртуальных государств Антарктиды, в рамках которого уже было опубликовано множество совместных заявлений и принято солидное количество общих решений.

Но не стоит забывать, что в реальной политике войны также непосредственно связаны с дипломатией. Очевидно, данная тенденция относится и к виртуальной дипломатии (в какой-то степени виртуальные войны соответствуют дипломатическим процессам даже больше чем реальные). В качестве примера здесь можно упомянуть о Родезийской войне 2009 года в Антарктиде между Королевством Финисмунд и Республикой Родезией. Суть противостояния заключалась в том, что власти Финисмунда отказались выполнять уже подписанный ими договор, согласно которому королевство обязывалось передать права на свои территории Родезии. В ответ на отказ от соглашения, руководство республики объявило войну Финисмунду. Однако в этой (как и в любой другой) виртуальной войне не было людских жертв и разрушения жизнен-

но важных объектов инфраструктуры. Единственное, что подверглось нападению в этой войне — официальный веб-сайт Королевства Финисмунд (в ходе хакерских атак на систему безопасности электронного ресурса). В итоге противостояния под давлением других виртуальных государств континента Финисмунд в полной мере удовлетворил все претензии Родезии и официально прекратил своё существование.

Безусловно, виртуальные государства в подавляющем большинстве случаев имеют незначительное влияние на мировую политику, а соответственно и эффективность их дипломатии довольно сомнительна. Однако зачастую виртуальная дипломатия практически полностью копирует (или пародирует) реальную, поэтому она вполне может принести определённую пользу в общей картине всестороннего культурного обмена различных стран и народов современного мира.

ГОСУДАРСТВО-ОПЕКУН (*guardian state*) — государственное образование, которому ассоциированное с ним государство передаёт часть собственных суверенных полномочий согласно специальному договору об ассоциации, подписываемому по обоюдному согласию на двусторонней основе. В описанной ситуации государство-опекун официально берёт на себя ответственность за большую часть внешнеполитических (а иногда и определённое количество внутриполитических) вопросов ассоциированного государства, сохраняющего при этом формальный суверенитет и номинальный статус полноправного субъекта международного права.

Если с момента окончания колониальной эпохи, бывшие колонии, жители которых изъявили желание остаться под непосредственным протекторатом соответствующих государств, были переименованы в зависимые территории, а метрополии, власти которых эту протекцию осуществляют, и вовсе сохранили своё прежнее название, то для процессов, когда руководства определённых территорий, юридически объявляя о собственном суверенитете, договариваются с правительствами других стран об установлении теснейших двусторонних связей на законодательном уровне, были

введены совершенно новые термины. Так, в рамках упомянутого процесса, государство, добровольно передающее часть своих суверенных прав и обязанностей другому субъекту международного права, стали называть ассоциированным, а соглашение, подписываемое при установлении подобных отношений, соответственно, начали именовать договором об ассоциации. Однако до сих пор не существовало хоть какого-либо термина для определения страны, принимающей на себя установленные права и обязанности. И именно для решения сложившейся проблемы введено понятие «государство-опекун».

Данная формулировка была выбрана не случайно, ведь именно опекой можно назвать процессы, когда власти одного государства обязуются решать определённый ряд вопросов другого государства, поддерживая при этом его общее благосостояние. И точно так же, как в ситуации с гражданской опекой, для полноправного исполнения взятых на себя обязательств, заключается соответствующий договор (об ассоциации), который может быть расторгнут в случае его полного или частичного неисполнения.

На сегодняшний день существует несколько примеров государств-опекунов. Среди них, в частности, Соединённые Штаты Америки, Италия, Франция и некоторые другие. У всех этих стран подписаны соглашения с соответствующими государствами (у США — с Республикой Палау, Федеративными Штатами Микронезии, а также Республикой Маршалловы Острова; у Италии — с Ватиканом; у Франции — с Княжеством Монако), согласно которым они гарантируют им дипломатическую поддержку, военную безопасность и финансовое благополучие. Ещё одним государством-опекуном можно назвать Российскую Федерацию, которая в данный момент имеет договор об ассоциации с двумя государствами (Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия), и это, к слову, пока единственный случай, когда опекуном официально становится страна, никогда до этого не являвшаяся полноценной метрополией. Безусловно, нужно понимать, что последствия эпохи деколонизации вкупе с процессами глобального влияния в международной политике продолжаются и по сей день, поэтому, очевидно, в современном мире существует ещё мно-

жество претендентов на обретение статуса государства-опекуна в обозримом будущем.

ДЕВИРТУАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА (*state devirtualization*) — процесс, в результате которого виртуальное государство приобретает определённую часть особо значимых признаков государственности, позволяющих в итоге отнести его к разряду реально существующих субъектов международного права. К числу таких признаков относятся, прежде всего, фактический контроль над заявленной территорией (или же её частью), а также возможность его сохранения всеми возможными методами (от военных до дипломатических). Как правило, проходя процессы девиртуализации, различные виртуальные государства поначалу приобретают статус непризнанных. В этом нет ничего удивительного, ведь полноправным участникам международных отношений далеко не всегда легко сразу принять факт появления на мировой арене новых участников, обладающих собственным правом голоса.

Но именно об этих процессах и говорил в своё время один из идеологов движения за независимость Индии от Великобритании Мохандас Карамчанд (он же «Махатма») Ганди: «Сначала они тебя не замечают, потом смеются над тобой, затем борются с тобой. А потом ты побеждаешь». И это абсолютная правда, ведь для виртуальных государств итогом успешной девиртуализации обычно становится начало их взаимодействия с полноценными субъектами международного права на всевозможных уровнях. Причём взаимодействие это может носить как позитивный, так и негативный характер. Например, к процессам девиртуализации могут относиться не только разносторонние международные переговоры или соглашения, к участию в которых приглашают и представителей виртуальных государств, но также и ведение судебных разбирательств в их отношении (по ряду различных вопросов) со стороны тех или иных общепризнанных стран и международных организаций.

В описанных ситуациях территориальные образования, проходящие процессы девиртуализации почти никогда официально не признаются в качестве государств сторонами, с которыми они

взаимодействуют, однако для любого виртуального государства сам факт возникновения у него отношений с тем или иным субъектом международного права воспринимается, как бесспорная победа на пути к собственной независимости и всеобщему признанию.

Ярчайшим примером таких процессов является история Княжества Силенд, провозглашённого в 1967 году на территории морской платформы, расположенной в десяти километрах от юго-восточного побережья Великобритании. Существуя уже более полувека, княжество пережило несколько судебных процессов, инициированных британским правительством (которые, при этом, номинально были решены в пользу виртуального государства), и даже неудачную попытку государственного переворота, после которой представитель Министерства иностранных дел ФРГ прибыл на платформу для переговоров с руководством Силенда об освобождении организатора провалившегося переворота, имевшего немецкое гражданство. Поэтому, к слову, называть подобные отношения виртуального государства и другого (общепризнанного) субъекта международного права частью виртуальной дипломатии было бы некорректно, потому как они уже выходят за рамки виртуального взаимодействия и относятся именно к процессам девиртуализации соответствующего образования.

Ещё одним показательным примером девиртуализации можно назвать ситуацию с появлением на карте мира непризнанной (в данный момент) Донецкой Народной Республики, контролирующей на сегодняшний день важную часть территории Донецкого бассейна. Всё дело в том, что ещё в 2009 году несколько регионов Украины (включая Донбасс) были объявлены суверенным государством общественно-политической организацией «Донецкая Республика», что, собственно, и стало созданием нового виртуального государства. И лишь в 2014 году, в ходе продолжающегося кризиса на Украине, сторонники «Донецкой Республики», установив контроль над частью донецкого региона, ещё раз объявили о его независимости, подтвердив тем самым своё решение 2009 года и фактически пройдя процесс девиртуализации.

В истории также известны случаи, когда через процедуру девиртуализации проходят различные правительства в изгнании, в своё время утратившие ряд присущих им черт государственности (иными словами претерпев процессы виртуализации). Например, подобную процедуру прошло Государство Кувейт, руководство которого в 1990 году создало правительство в изгнании по причине захвата территории эмирата иракской армией. Просуществовало оно в таком виде недолго, до момента, пока в 1991 году (в результате многосторонней войны в Персидском заливе) международная коалиция ООН не вернула фактический контроль над всей территорией Кувейта его прежнему руководству. Таким образом, Государство Кувейт меньше чем за год подверглось сначала виртуализации, а затем и девиртуализации, став жертвой одной из самых кровопролитных войн на Ближнем Востоке.

Очевидно, девиртуализация не происходит молниеносно. Обычно она представляет собой достаточно сложный и продолжительный процесс, однако в условиях развития современного мира геополитические процессы приобрели ещё более неожиданный характер, поэтому, вполне возможно, мы ещё не раз столкнёмся с процедурой девиртуализации государств в обозримом будущем.

ДОЛЖНОСТНАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ (*personalization of posts*) — процесс, в результате которого отдельно взятый государственный деятель обретает (и исполняет) во властных структурах определённую должность, специально созданную в интересах указанного лица (или группы лиц). Обычно процесс должностной персонализации происходит с целью оправдания тех или иных противозаконных действий, совершаемых руководителями соответствующих государств, а также придания тем или иным персонам в правительственных кругах знаковости за счёт создания образа их незаменимости и общей важности в жизни отдельно взятой страны (или даже целого мира).

Чаще всего персонализации подвергается должность главы государства. Причём, данная инициатива исходит, как правило, от самих лидеров таких стран. Связано это, прежде всего, с тем, что их амбиции не позволяют им занимать определённые долж-

ности, законодательно загоняющие в установленные рамки, поэтому для определения собственных должностей «отцы наций» могут вводить абсолютно новые наименования, граничащие порой с манией величия. История знавала массу подобных примеров, но самым известным среди них, бесспорно, является титул Фюрера (то есть вождя) немецкого народа, введённый Адольфом Гитлером (главой германского государства времён Третьего рейха) в 1934 году для именования своей должности.

Известны также случаи, когда фактический лидер страны, формально отказываясь от руководящего поста, для обоснования своего активного участия в политической жизни государства, присваивал себе различные титулы, несвойственные законодательному разделению властных полномочий. Ярким примером описанной ситуации можно назвать титул Высшего лидера национального освобождения Панамы, который был присвоен главнокомандующему Национальной гвардией Республики Панама Мануэлю Норьеге, который в 80-е годы прошлого века шесть лет управлял центральноамериканской страной (вне зависимости от того, кто занимал пост президента республики — номинального главы государства).

Вспомнить можно и про такие варианты развития событий, когда во властных структурах появляется особый коллективный орган, существование которого прямо противоречит действующей законодательной системе определённой страны. В данном же случае персонализация непосредственно относится ко всем участникам образованной структуры, а её коллективный характер может быть связан с желанием руководящих кругов создать атмосферу консолидированности в обществе и между собой (даже в моменты тяжёлых политических кризисов). Так, например, 2 января 1992 года в Грузии (в результате военного переворота) государственная власть перешла к революционерам из числа представителей силовых структур, которыми был образован неконституционный орган, несколько месяцев просуществовавший в качестве коллективного главы республики — Военный совет. И хоть его существование изначально было объявлено временным (а имена некоторых членов совета в итоге даже не были разглашены), он

всё-таки сыграл одну из решающих ролей в формировании политической системы грузинского государства.

Но бывают и случаи, когда должностная персонализация носит лишь формальный характер, не имея никаких противоречий с законодательством, существующем в той или иной стране. Здесь ярким примером является декрет Итальянской Республики от 23 июля 1998 года, согласно которому все бывшие главы итальянского государства признаются её почётными президентами (к слову, такая практика применялась и в других странах, однако там подобные решения принимались для каждого отдельно взятого случая персонально).

Конечно, сегодня мы всё реже сталкиваемся с примерами должностной персонализации в политической системе, однако мировая история имеет тенденцию к цикличности, поэтому возможность встретиться с подобными процессами в обозримом будущем всё ещё сохраняется.

ДОЛЖНОСТНАЯ СПЕЦИФИКАЦИЯ (*specification of posts*) — ситуация, при которой в правовой системе отдельно взятого государства происходит специфическое определение властной структуры (по должностям и их полномочиям), несвойственное большинству субъектов международного права. В подавляющем большинстве случаев формирование государственных институтов различных стран происходит по модели, наиболее распространённой в современном мире. Однако иногда имеют место и ситуации, когда в определённых странах существование отдельных должностей и их наименование никак не вписываются в существующую систему разделения властей, принятую большей частью государств-членов ООН.

Стоит отметить, что подобные моменты всё же не составляют в мире какой-либо отдельной структуры государственного устройства (общее деление стран мира на монархии и республики остаётся неизменным). Почти всегда они представлены в качестве отдельных исключений из негласно существующих правил, связанных, прежде всего, с историческими, а также внутриполитическими особенностями становления и развития соответ-

ствующих государств. И, тем не менее, описанные процессы существовали (и будут существовать) всегда, поэтому было бы крайне глупо не рассматривать их в качестве отдельного феномена мировой политики.

Ярким примером должностной спецификации можно назвать ситуацию с постом главы государства в Объединённых Арабских Эмиратах. Дело в том, что в ОАЭ (во многом из-за сложной системы разделения властей) высшая руководящая должность именуется как «президент». И на сегодняшний день это уникальнейший (единственный в своём роде) случай, когда президент возглавляет монархию. Ещё одним примером должностной спецификации, безусловно, является Конституция Исламской Республики Иран, согласно которой верховная власть в стране принадлежит Высшему руководителю, в руках которого концентрируется не только вся гражданская, но и духовная власть (что позволяет говорить об Иране, как о первой в истории теократической республике). Что касается поста президента, то он также существует в исламской республике, однако является лишь вторым лицом в стране, что также позволяет говорить об исключительной уникальности сложившейся ситуации. Известны и случаи, когда должностная спецификация некоторым образом перекликается с персонализацией. Так, в 1998 году основатель северокорейского государства Ким Ир Сен (умерший 8 июля 1994 года) в результате поправки в Конституцию Корейской Народно-Демократической Республики был объявлен Вечным Президентом КНДР. И хоть данный титул не несёт за собой никаких формальных полномочий, описанное событие стало первым случаем в современной истории, когда высший должностной пост в стране занял человек, которого уже нет в живых. Впоследствии оно даже получило своё собственное наименование в системе политических режимов — некрократия (или власть мёртвых).

Безусловно, даже учитывая исключительный характер большинства примеров должностной спецификации, сам факт существования описанных ситуаций уже привёл к серьёзным изменениям существующего миропорядка, а потому и рассматривать их нужно в качестве полноценного геополитического явления.

КВАЗИЮРИСДИКЦИЯ (*quasi-jurisdiction*) — пределы компетенции, в которых органы власти тех или иных государственных образований реализуют определённые полномочия при решении правовых вопросов, с точки зрения субъектов международного права, которые эти пределы не признают официально. Важно понимать, что данное понятие относится лишь к описанию определёнными субъектами международного права юридической деятельности, которая в представлении их компетентных органов не соответствует нормам, установленным законодательно.

Квазиюрисдикцию можно разделить на *виртуальную* и *фактическую*. Виртуальная квазиюрисдикция относится к деятельности практически всех виртуальных государств (не имеющих фактического контроля над заявленной территорией). Ни одно из их решений или действий не признаётся имеющим юридическую силу со стороны общепризнанных участников международных отношений. Ярким примером описанной ситуации можно назвать практически любое виртуальное государство, претендующее на территорию Антарктиды (среди них Вестарктика, Великое Герцогство Фландренсис, Республика Родезия и некоторые другие). Почти вся деятельность этих государств (вплоть до самого факта их существования) носит исключительно декларативный характер и не признаётся мировым сообществом (иными словами, является для него *квазиюридической*). Фактическая же квазиюрисдикция определяется в тех случаях, когда речь идёт о деятельности реально существующих (частично или полностью контролирующих заявленную территорию) государств. К подобным примерам можно отнести все непризнанные и частично признанные государства. Формальность их деятельности ограничена лишь теми субъектами международного права, которые официально признают их статус. Что касается всех остальных — для них она носит квазиюридический характер. В качестве примеров подобного положения можно привести непризнанное государство Сомалиленд, расположенное на севере сомалийского полуострова), а также частично признанную Республику Косово, контролирующую большую часть сербского Автономного края Косово и Метохия.

В случае с Сомалилендом, любые решения его руководства считаются квазиюридическими для всех стран-членов ООН, для Косово же государственная юрисдикция существует с позиции только тех субъектов международного права, которые признали его независимость (а для всех остальных она так и остаётся с приставкой «квази»). Однако в таких случаях обычно действует правило, согласно которому общепризнанные страны всё же принимают в качестве официальных особо значимые документы, выданные властями непризнанных государств (к ним относятся, в частности, свидетельства о рождении, браке, смерти и некоторые другие акты). В данном случае они приобретают полноценный юридический характер в порядке исключения (исходя, как правило, из гуманитарных целей и необходимости демографического учёта населения).

К слову, фактическая квазиюрисдикция может относиться и к виртуальному государству, но только в том случае, когда его руководители контролируют хотя бы часть собственной территории. Самым показательным примером здесь является небезызвестное Княжество Силенд, располагающееся на крохотной морской платформе в непосредственной близости от побережья Великобритании. Все его указы и решения княжества носят для мирового сообщества исключительно квазиюридический характер, что, однако, никоим образом не отменяет факт его реального существования в современном мире.

Но отдельно стоит коснуться моментов, когда квазиюридический характер носят отдельные виды деятельности и общепризнанных стран. Так, ряд субъектов международного права может не признавать те или иные решения, принятые властями государств-членов ООН. В подобных ситуациях квазиюридическими становятся только эти конкретные полномочия (и лишь для тех, кто полномочно заявил об их непризнании). Причём, в описанном случае уместно говорить о дальнейшем подразделении фактической квазиюрисдикции на *абсолютную* и *относительную*. К абсолютной квазиюрисдикции относится деятельность, законность которой не признаётся на уровне Организации Объединённых Наций (поэтому, собственно, все виртуальные, непризнанные

и частично признанные государства априори относятся к абсолютной квазиюрисдикции). Так, показательным примером подобного отношения является факт признания Советом Безопасности ООН незаконным решение властей Государства Израиль о включении в свой состав территорий Голанских высот (отбитых у Сирии в результате Шестидневной войны 1967 года). Относительной же квазиюрисдикцией можно считать случаи, когда те или иные полномочия государств-членов ООН отказываются признавать законными лишь некоторые другие субъекты международного права (без особого влияния на общую систему ООН). Ярчайшим примером здесь можно считать непризнание Исламской Республикой Пакистан государственного статуса Республики Армения (в знак поддержки позиции Азербайджанской Республики в нагорно-карабахском конфликте). В данном случае любая государственная деятельность Армении считается с точки зрения Пакистана квазиюрисдикцией, однако в целом это почти никак не отражается на существовании постсоветской республики в системе современного миропорядка (как в ООН, так и в других международных организациях).

Как можно видеть, на сегодняшний день примеров квазиюрисдикции можно назвать бесчисленное множество, поэтому, очевидно, подобный термин ещё не раз будет употребляться для описания геополитических противоречий в обозримом будущем.

КОНТРОККУПАЦИЯ (*counter-occupation*) — форма деоккупации, предусматривающая силовое прекращение незаконного занятия чужой территории, при которой освобождённые земли фактически переживают действия оккупационного характера по отношению к населению (или его части), проживающему в указанных районах на момент начала их освобождения. Контроккупация — понятие весьма расплывчатое, а потому и неоднозначное. Оно относится, прежде всего, к насильственным методам деоккупации, которые оказывают негативное воздействие на социальную структуру территорий, ранее прошедших процедуру незаконного отторжения от основной территории соответствующего государства.

Всё дело в том, что во время незаконного захвата чужих территорий оккупирующая сторона проводит на них собственную политику в области административного управления. При этом существенному изменению нередко подвергается и структура населения захваченных земель, когда установленный на них оккупационный режим начинает высылать коренное население в другие регионы. Их же места в таком случае обычно занимают граждане оккупирующей стороны, которые заселяют территории, захваченные собственным руководством, для исполнения государственных программ по интеграции указанных регионов в общую систему административного контроля страны.

Однако в описанных ситуациях кроется ещё одна не менее болезненная проблема, о которой зачастую многие забывают. Заключается она в одном простом вопросе: «А как тогда должна проходить деоккупация?», ответ на который и породил современное представление о контроккупации. Ни для кого не секрет, что сторона, подвергшаяся захвату собственных территорий, освободив их, стремится к репатриации (возвращению на родину всех перемещённых лиц и восстановлению их в законных правах). Вот тут и возникает главная проблема освобождения собственных земель: теперь на них могут проживать и другие граждане (того государства, которое в своё время вводило оккупационный режим на данных территориях), поэтому для полноценного проведения репатриации руководству соответствующих стран приходится высылать уже их самих, дабы предоставить возможность своих соотечественникам вернуться в дома, которые когда-то им пришлось покинуть.

В истории примеров ведения контроккупационных действий существует бесчисленное множество (и каждый из них уникален по-своему). Но самым ярким примером тут, бесспорно, является ситуация вокруг арабо-израильского конфликта. Суть его заключается в том, что на сегодняшний день под контролем Государства Израиль находятся значительные территории Западного берега реки Иордан, а также Голанских высот, признанные Советом Безопасности ООН оккупированными Израилем в ходе Шестидневной войны (1967 год). В таком статусе эти территории суще-

ствуют уже более полувека, а на них проживает сразу несколько поколений израильских граждан. Поэтому, в случае возвращения полного контроля над Голанскими высотами Сирией или Западным берегом реки Иордан Палестиной соответственно, многие граждане Израиля практически неминуемо будут вынуждены покинуть данные территории (по причине сложнейших межэтнических и межконфессиональных противоречий между указанными странами). Собственно, это и произошло в 2005 году, когда, в результате выполнения «Плана одностороннего размежевания», Израиль вывел из Сектора Газа (также признанного в 1967 году Совбезом ООН оккупированной территорией) свои войска, ликвидировав при этом все собственные поселения (израильские граждане были эвакуированы, в том числе и насильственно, по причине угрозы их безопасности со стороны радикально настроенных палестинцев из группировки ХАМАС). Все описанные обстоятельства свидетельствуют о существовании особой (специфической) формы восстановления контроля над ближневосточными землями, которую вполне корректно было бы именовать контроккупацией.

Конечно, нет никаких сомнений, что любое государство в решении проблем оккупированных территорий должно опираться, прежде всего, на интересы собственного народа, однако в подобных случаях торжествующая справедливость, увы, постоянно вынуждена сталкиваться с нарушением международного гуманитарного права в отношении ни в чём не повинных граждан, ставших заложниками сложнейших геополитических противоречий.

МУЛЬТИАНКЛАВ (*multi-enclave*) — часть территории государства, полностью окружённая границами двух (или более) других государств.

На сегодняшний день в политической географии сохраняется множество парадоксов, одним из которых является определение такого понятия, как анклав. Суть его заключается в том, что в современном понимании анклавом называют часть территории определённого государства, полностью окружённую территорией толь-

ко одного другого государства (и никак иначе). В то же время есть масса примеров, когда часть какой-либо страны окружена границами не одного, а сразу двух или даже трёх других государств. В таких случаях её по привычке продолжают называть анклавом, хотя с точки зрения определения, гласящего, что только одно сопредельное государство может окружать анклавный регион, это явная ошибка (распространённая, в том числе и в научных кругах). Поэтому во избежание подобных неточностей для определения описанных территорий предложено новое понятие — мультианклав (в котором префиксоид «мульти-» носит значение множественности, происходя от латинского слова «multum», переводимого на русский как «много»).

Важно понимать, что обычно мультианклавы представляют собой более жизнеспособные территориальные образования, нежели обычные анклавы. Ведь если часть территории той или иной страны окружена границами лишь одного сопредельного государства, то в случае возникновения между указанными сторонами прямого военного конфликта замкнутый регион автоматически окажется «в тылу врага», тогда как в ситуации с мультианклавом его геополитическое положение будет зависеть от позиции всех стран, с которыми он граничит.

Ярчайшим примером классического мультианклава можно назвать Нахичеванскую Автономную Республику, которая является неотъемлемым регионом Азербайджанской Республики, но при этом не имеет с остальной её частью непосредственной границы, будучи полностью окружённой территориями сразу трёх других государств: Армении, Турции и Ирана. Для них, собственно, она и является мультианклавом. Данный пример также подтверждает и тезис о большей жизнеспособности мультианклавов, потому как во время нагорно-карабахского конфликта между Нагорно-Карабахской Республикой, поддерживаемой Арменией, и Азербайджаном только нахичеванская автономия практически полностью сохранила свою территориальную принадлежность (во многом благодаря позициям Турции и Ирана, ставшим в данном споре на сторону Азербайджана), тогда как все армянские анклавы, находившиеся под контролем Азербайджана, в ходе

противостояния были заняты войсками Армении и фактически прекратили своё существование (аналогичная участь постигла и азербайджанский анклав Арцвашен, до войны находившийся под контролем Армении).

По аналогии с анклавами и полуанклавами можно выделить также **полумультианклав —** часть территории государства, окружённая границами двух (или более) других государств на суше, имеющая при этом выход к морю. В качестве примера здесь можно привести Калининградскую область, которая, оставаясь полуэксклавом Российской Федерации (благодаря наличию выхода региона к Балтийскому морю), является также полумультианклавом для Польши и Литвы, так как территории их стран полностью окружают её сухопутные границы.

А вот что касается аналогии с государствами-анклавами и государствами-полуанклавами, то она намного сложнее. Всё дело в том, что **государством-мультианклавом** технически можно назвать практически любое внутриконтинентальное государство с точки зрения соседствующих с ним стран, ведь по факту его территория всегда полностью окружена границами двух (или более) других государств (так же и у любого другого мультианклава). Поэтому такие страны, как Боливия, Мали, Монголия, Сербия и многие другие, не имеющие выхода к открытому морю, относятся к государствам-мультианклавам. Говоря же о **государствах-полумультианклавах**, следует понимать, что таковыми можно считать большинство современных стран, имеющих выход к морю (за исключением некоторых островных государств, не граничащих напрямую ни с одним государством мира, таких как Новая Зеландия или Республика Мадагаскар). А это значит, что Мексику, Эквадор, Тунис, Вьетнам, Испанию и все остальные страны, удовлетворяющие описанным критериям, относятся к государствам-полумультианклавам.

Данные термины призваны, прежде всего, ликвидировать общую безграмотность в вопросах корректной трактовки территориального положения замкнутых регионов относительно государств, их окружающих, придав ему уникальное научное обозначение.

НАДФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО (*suprafederal state*) — специальная форма административно-территориального устройства, при которой хотя бы одним из участников полноправного государственного союза выступает субъект ранга федерации. До сих пор формы государственного устройства в научном сообществе было принято подразделять лишь на три типа: унитарное, федеративное и конфедеративное. Однако сегодня известны также и примеры, когда административно-территориальное устройство страны в полной мере нельзя причислить ни к одному из имеющихся типов. К примеру, государственный союз, в составе которого присутствует хотя бы один субъект с федеративной формой административно-территориального устройства, уже не может быть назван федерацией (так как упомянутая специфика автоматически ставит его на позицию более высокого ранга). Но и конфедерацией подобный субъект международного права может быть назван отнюдь не всегда. Ведь если равноправные субъекты описанного союза не являются государствами, обладающими полным суверенитетом, то конфедеративным его нельзя считать ни при каких обстоятельствах. Поэтому для таких случаев предложен новый термин — надфедеративное государство (которое на деле исполняет роль переходной формы административно-территориального устройства между федерацией и конфедерацией).

История знает не так много примеров надфедеративного государственного устройства, однако самым показательным из них можно считать Союз Советских Социалистических Республик, в составе которого (до прекращения его существования в 1991 году) входили 15 равнозначных республик, одной из которых была Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. При этом согласно Конституции СССР, все союзные республики являлись неотъемлемыми частями единого советского государства. И всё это полностью подтверждает тезис о том, что Советский Союз большую часть времени своего существования был недфедеративным государством.

В современном же мире существует только одна страна, полностью отвечающая указанным критериям надфедеративного государственного союза. Речь идёт о Боснии и Герцеговине,

объявившей о независимости в 1992 году (в результате её кровопролитного отделения от Югославии) и получившей своё нынешнее административно-территориальное устройство по результатам заключения Дейтонских соглашений в 1995 году. Согласно Конституции Боснии и Герцеговины в его состав входят Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины, именуемые в административном плане энтитетами. Также в 1999 году арбитражным судом БиГ (в нарушение упомянутых Дейтонских соглашений) было принято решение выделить ещё один автономный регион — округ Брчко, управление которым (по причине непрекращающихся разногласий) до сих пор осуществляет международная администрация. Но несмотря на все существующие противоречия, связанные в основном с желанием значительной части населения Республики Сербской обрести собственный суверенитет и независимость, Босния и Герцеговина продолжает оставаться единым государством, тем самым подтверждая свой надфедеративный статус.

Данный термин, несмотря на крайнюю редкость своего использования, тем не менее, играет значительную роль в современном международном праве, фактически исключая возможность двусмысленности и неопределённости при обозначении переходных форм государственного устройства.

НАДКОНФЕДЕРАТИВНЫЙ СОЮЗ (*supaconfederal union*) — объединение суверенных государств, созданное с целью реализации конкретных действий во внутренней и внешней политике, но не декларированное при этом в качестве отдельного государственного образования. На сегодняшний день в мире сохранилось только одно конфедеративное государство. Им является Союзное государство, основанное Российской Федерацией и Республикой Беларусь в 1996 году, однако даже оно является полноценной конфедерацией лишь на бумаге (будучи официально декларированным в качестве субъекта международного права государственного ранга). На деле же значительная часть признаков конфедеративного государства в СГ до сих пор не исполняется (некоторые из них всё ещё находятся на стадии разработки). Но в современном мире

существует также и ряд примеров, когда союз государств, юридически неоформленный в конфедерацию, обладает существенной долей суверенных прав и обязанностей по отношению к своим участникам и на международной арене. И любое подобное объединение во избежание определённых юридических коллизий наиболее корректно было бы называть надконфедеративным союзом.

На данный момент в международном сообществе существует всего несколько надконфедеративных союзов, из которых ярче всех выделяется Содружество Наций, основанное в 1887 году и преобразованное в дальнейшем с целью замены собой Британской империи в геополитическом плане. В настоящее время Содружество включает в себя 53 государства-члена, из которых 16 стран (включая само Соединённое Королевство) по-прежнему признают своим правителем британского монарха, представлять которого в них (за пределами Британских островов) поручено специальным должностным лицам — генерал-губернаторам. И несмотря на отсутствие у Содружества Наций государственного статуса, возможности решать политические и экономические вопросы в нескольких десятках стран мира по праву придаёт ему статус надконфедеративного союза.

Ещё одним примером надконфедеративного объединения можно считать Европейский союз, основанный в 1952 году шестью государствами как Европейское объединение угля и стали (согласно Парижскому договору 1951 года) и ставший за несколько десятков лет одним из наиболее влиятельных субъектов международного права в экономическом, политическом и социальном отношении, так и не обретя формальный статус полноправного государства. Также отдельные черты надконфедеративного союза имеют такие объединения, как Организация Объединённых Наций, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз и некоторые другие, однако их статус единого субъекта международного права уже не так очевиден и больше подходит под описание региональных, межрегиональных и международных организаций политической и социально-экономической направленности. Но даже такое немногочисленное количество описанных примеров прямо указывает на необходимость существования терми-

на, регулирующего положение субъекта международных отношений на уровне между конфедерацией и межгосударственным объединением.

ФАКТИЧЕСКИ АССОЦИИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО (*factually associated state*) — субъект международного права, вступающий с более влиятельным государством в специальную форму межгосударственных отношений, при которой менее влиятельная сторона взаимодействия отказывается от ряда собственных суверенных прав и обязанностей в пользу более влиятельной на основании не единого договора, а множества отдельных соглашений о сотрудничестве. В своей классической форме ассоциированное государство всегда обретает указанный статус путём заключения соответствующего договора, устанавливающего конкретный порядок его отношений с государством-опекуном. Однако в мире существует масса примеров, когда одна страна передаёт другой часть своих суверенных полномочий не сразу (единым договором), а постепенно (путём последовательного заключения отельных межгосударственных соглашений). К их числу могут относиться вопросы обороны, социально-экономической стабильности, культурного обмена и некоторые другие (точно так же, как и в случае с классической формой ассоциированных государств). А вот сам процесс последовательного заключения упомянутых соглашений может растянуться на долгие годы, что, впрочем, никак не исключает зависимый статус фактически ассоциированного государство от своего **фактического государства-опекуна**.

В современном мире наиболее показательным примером фактически ассоциированного государства можно считать Японию. Дело в том, что после окончания Второй мировой войны территория современной Японии оказались под полной оккупацией силами Соединённых Штатов Америки. Позже (в 1952 году) японскому государству был возвращён формальный суверенитет, однако вместе с этим оно было обязано заключить с США ряд соглашений, установивших по ряду вопросов непосредственную зависимость Японии от Соединённых Штатов. Среди них, в частности были: договор О дружбе, торговле и мореплавании (1953 год), со-

глашение О помощи в обеспечении взаимной обороны (1954 год), договор О взаимном сотрудничестве и безопасности (1960 год) и некоторые другие. Также, согласно девятой статье японской конституции 1947 года, Страна восходящего солнца отказалась от права иметь собственные вооружённые силы (хотя, конечно, местные силы самообороны уже не сильно от них отличается). Это в свою очередь породило довольно парадоксальную ситуацию, когда единственные полноправные вооружённые силы, расположенные на территории современной Японии, принадлежать США (чьи военные объекты располагаются на японских островах ещё с 1945 года). Все вышеупомянутые факты вполне наглядно демонстрируют положение Японии как фактически ассоциированного (с США) государства.

Ещё одним ярким примером фактической ассоциации можно назвать нынешнее состояние двусторонних отношений между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой. Ещё во времена Советского Союза (правопреемницей которого является Россия) между двумя государствами был заключён Договор о дружбе и сотрудничестве (1980 год), направленный на повышение обороноспособности и улучшение социально-экономической инфраструктуры САР. А со времён начала военной операции России в Сирии (по просьбе правительства арабской республики) между странами был заключён ряд соглашений о совместном развитии военной инфраструктуры (в том числе и за счёт открытия российской авиационной базы «Хмеймим», а также расширения 720-го пункта материально-технического обеспечения Военно-морского флота РФ на сирийской территории). Данная специфика двусторонних отношений свидетельствует о том, что современную Сирию абсолютно корректно называть фактически ассоциированным (с Россией) государством.

Обобщая, можно добавить, что фактически ассоциированным можно считать любое государство, передавшее часть своего суверенитета в ведение другой страны (и в подобных случаях различаться будет лишь формат ассоциации). Сам же термин направлен главным образом на искоренение из дипломатического лексикона такого уничижительного понятия, как «государство-сателлит»,

также обозначающего вышеописанную форму межгосударственного сотрудничества (но в более расплывчатом виде).

ЭКСКЛАВНОЕ ГОСУДАРСТВО (*exclave state*) — государственное образование (или субъектная территория, декларированная органами её управления в качестве государства), разделённое на несколько относительно равных (по площади и статусу) территориальных единиц, замкнутых в границах одного (или более) сопредельного государства и не имеющих при этом общих границ между собой. Эксклавное государство имеет самую сложную территориальную систему из всех ныне существующих субъектов международного права и, очевидно, находится в относительно тяжёлом геополитическом положении. Связано это с тем, что в подобном случае от позиции соседей эксклавного государства будет зависеть не только система международных (и двусторонних) отношений, имеющих для них непосредственное значение, но и большая часть его внутренних вопросов (таких как транспортная логистика, эффективное функционирование органов центральной власти и местного самоуправления, государственная безопасность и многие другие).

Довольно тяжело себе представить, чтобы такая «изрезанная» территория была добровольным выбором для какого-либо государства. Руководство любого субъекта международного права, так или иначе, заинтересовано в создании и дальнейшем поддержании успешной системы управления подконтрольными территориями. Поэтому, логично, что для каждого из представителей государственной власти вопросы собственного суверенитета и независимости в отношении принятия самостоятельных решений просто не могут отойти на второй план, ведь они прямым образом связаны с условиями их фактического существования. К примеру, вопросы внутренней и внешней государственной безопасности практически всегда связаны с возможностью максимально быстрого и, что самое главное, беспрепятственного доступа своих силовых структур в любую часть собственной территории. Однако в случае с эксклавными государствами такая перспектива рискует столкнуться с противодействием сопредельных стран, окружающих со-

ответствующие эксклавы (соседнее государство банально может запретить использование своей территории для доступа в окружённые ими регионы). И таких примеров масса, поэтому условия существования эксклавных государств имеют вынужденный характер: они либо функционируют в рамках исторически устоявшихся международных договоров, либо их существование продиктовано действующей расстановкой сил на местах (иными словами, их статус-кво подтверждён только сложившейся военной обстановкой и не признаётся ни одной из сторон противостояния). В последнем случае эксклавный формат государственного устройства может рассматриваться исключительно как переходный уровень, а итогом возникшего противостояния может быть или победа эксклавного государства путём его объединения и обретения непрерывной границы, или же его поражение посредством ликвидации сопредельными странами враждебных анклавов.

Собственно, говоря о правилах применения понятий «анклав» и «эксклав», важно отметить, что с точки зрения страны, территория которой окружает регионы эксклавного государства, применимо и такое понятие, как анклавное государство (ведь конкретно для неё окружённые области предстают в качестве группы анклавов), однако в таком случае данное понятие не следует путать с государствами-анклавами (такими как Ватикан, Сан-Марино или Лесото), территория которых представлена единой системой, замкнутой внутри соответствующих стран).

На данный момент в мире существует крайне ограниченное количество примеров эксклавных государств. Связано это, прежде всего, с тем, что подобный формат существования субъектов международного права по ряду вышеназванных причин представляется крайне проблематичным и нерациональным. Однако прецеденты всё же есть. Так, ярчайшим примером эксклавного государства можно назвать частично признанное Государство Палестина, сформировавшееся в своих нынешних границах в результате многочисленных арабо-израильских войны и конфликтов. Территория, подконтрольная Палестине на данном этапе существования полностью окружена зонами контроля израильской армии и ею же разделена на несколько десятков относительно не-

больших анклавов. Всё это существенно ограничивает возможности всестороннего контроля палестинским руководством над контролируемыми областями. А самая крупная из замкнутых зон частично признанного государства (Сектор Газа) из-за этого и вовсе живёт обособленно, не имея с остальными регионами страны практически никаких прямых связей. И хотя подобное положение дел совсем не устраивает палестинскую сторону (а большая часть подконтрольных Израилю территорий, декларируемых Палестиной в качестве своих суверенных, даже признаны на уровне Организации Объединённых Наций временно оккупированными), оно существует уже десятилетия и в обозримом будущем навряд ли претерпит существенные изменения, поэтому нам, очевидно, нужно принять сложившийся факт и сосредоточиться на его детальном изучении. Совсем другим примером можно назвать не признанное ни одной страной мира Исламское Государство (запрещённое согласно законодательству Российской Федерации). Потеряв единство занимаемой территории в результате череды военных поражений, ИГ сохранило под своим влиянием лишь малую часть районов внутри территорий Сирии, Афганистана и некоторых других стран «исламского мира». Стоит отметить, что сложившаяся на данный момент времени обстановка не устраивает ни одну из сторон конфликта: Исламское Государство стремится взять под свой контроль как можно больше территорий, на которых исповедуют Ислам, главной же целью противостоящих ИГ стран является его полная ликвидация и искоренение во всех занятых им районах. Все остальные примеры, существующие сегодня на международной арене и связанные с замкнутыми областями, нельзя в полной мере относить к эксклавным государствам, потому как они будут определены в качестве единичных эксклавов в составе относящихся к ним стран, однако даже уникальный прецедент, бесспорно, всегда должен быть подробно изучен для установления основных тенденций его существования.

ДЛЯ ЗАМЕТОК ЧИТАТЕЛЯ

Стоит отметить, что представленный список терминов не является исчерпывающим и будет дополнен в дальнейшем, когда того потребует геополитическая обстановка. Однако любой, у кого после прочтения найдутся свои дополнения, может вписать их сюда. Ведь абсолютно каждый способен внести свой вклад в развитие научных дисциплин.

СОДЕРЖАНИЕ

Справочное издание

Жмилевский Владислав Дмитриевич

СЛОВАРЬ НОВЫХ ТЕРМИНОВ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕРРИТОРИЙ

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Подписано в печать 06.05.2018. Формат 60х84 1/16.
Усл.-печ. л. 2,1. Тираж 100 экз. Заказ 485.

Издательство «Бук». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
Отпечатано в издательстве «Бук».